

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В АРХИТЕКТУРЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х гг. (на примере творчества И.Е. ЧЕРКЕСИАНА)

Токарев Артур Георгиевич

кандидат архитектуры, доцент,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»,
Россия, Москва, e-mail: tokarev69@inbox.ru

УДК: 72.03(470.61-25)

DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)-14

Аннотация

Проблема сохранения культурного наследия, привлечения общественного внимания к уникальности советской архитектуры 20-х гг. XX в. актуализирует исследования по этой теме. Цель исследования – выявить преемственность в период второй половины 1920-х гг. в архитектурной практике одного из крупнейших городов Юга России – Ростова-на-Дону, определить наиболее устойчивые к изменениям традиции в формообразовании.

Ключевые слова:

регулярное градостроительство, советская архитектура 1920-х гг., конструктивизм, традиции, новации, преемственность

CONTINUITY IN THE ARCHITECTURE OF ROSTOV-ON-DON OF THE SECOND HALF OF THE 1920s (ILLUSTRATED THROUGH AN EXAMPLE OF I.E. CHERKESIAN'S CREATIVE ACTIVITY)

Tokarev Artur G.

PhD. (Architecture), Associate Professor,
Moscow State University of Civil Engineering,
Russia, Moscow, e-mail: tokarev69@inbox.ru

УДК: 72.03(470.61-25)

DOI: 10.47055/1990-4126-2021-3(75)-14

Abstract

The issue of cultural heritage conservation and public awareness raising in relation to the unique character of the 1920s Soviet architecture keeps drawing attention to this topic. The purpose of this study is to demonstrate continuity in the architectural practice of one of the largest cities in the south of Russia, Rostov-on-Don, during the second half of the 1920s; and identify the traditions that are most resistant to changes in form building.

Keywords:

regular urban planning, Soviet architecture of the 1920s, constructivism, traditions, innovations, continuity

Советская архитектура 1920-х гг. обычно ассоциируется с доминирующими авангардистскими течениями того времени – символическим романтизмом, рационализмом, конструктивизмом. Действительно, этот период отмечен радикально новым подходом к организации пространства, формообразованию, реализации художественных образов. Однако относится это, в первую очередь, к наиболее ярким образцам архитектуры авангарда. При рассмотрении лишь стилистически «чистых» объектов выпадает количественно доминирующий пласт рядовой архитектуры, что не позволяет изучить всю сложность происходящих изменений. Особенно это актуально для так называемых переходных периодов между стилями, когда проблематика взаимодействия традиций и новаций, преемственности в архитектуре проявлялась наиболее ярко.

В еще большей степени влияние традиции характерно для регионов, где, в отличие от столичной практики, изменения в архитектуре происходили с некоторым запозданием. Последнее в полной мере относится к такому крупнейшему промышленному и административному центру Северо-Кавказского края, как Ростов-на-Дону.

1920–1930-е гг. в Ростове отмечаются масштабным строительством, реализацией крупных градостроительных и архитектурных проектов. Строительство в городе возобновляется в середине 1920-х гг., однако вплоть до конца десятилетия зданий в чистых авангардных формах, без примеси традиции, практически не обнаруживается.

Особенности ростовской практики 1920-х гг. определили два основных фактора:

1. Наличие целого коллектива архитекторов и гражданских инженеров, которые не только получили образование до революции, но имели в этот период значительный опыт работы в Ростове. Эти специалисты в 1920-е гг. также получили обширную практику, занимали руководящие посты в архитектурно-строительных и административных организациях. Их профессиональный опыт оказал значительное влияние на архитектуру тех лет [1–4].
2. Большая часть построек во второй половине 1920-х гг. возводилась в историческом центре Ростова, где сложившаяся пространственно-планировочная структура оказывала влияние на проектные решения [1–6].

Планировочная структура Ростова сформировалась в период русского регулярного градостроительства XVIII – XIX вв. Для этого периода характерна строгая пространственная иерархия, соподчиняющая отдельное здание и квартальную застройку в структуре города. Проектный метод архитекторов, осуществлявших свою профессиональную деятельность в Ростове в начале XX в., отражал тот же принцип – пространственно-планировочная структура и средства архитектурной выразительности частного (здания и квартала) формировались, исходя из структуры общего (города), в зависимости от роли объекта в структуре ансамбля.

Рассмотрим механизм трансляции традиции в новый исторический период на примере творчества одного из ведущих специалистов Ростова первой половины XX в. гражданского инженера Ильи Емельяновича Черкесиана.

Городской доходный дом (позже – здание Варшавского университета) возведен в центре города по проекту И.Е. Черкесиана с 1912 по 1914 г. (соавтор Г.Н. Васильев) [7, 8]. Здание занимает угловое положение в квартале. Ориентируется двумя фасадами на ул. Большую Садовую и пер. Почтовый (ныне Островского), а двумя другими – в сторону квартальной застройки. Пространственно-планировочная структура и композиционные построения в этом здании традиционны для застройки рубежа веков. Объем развивается по периметру участка, образуя замкнутый внутренний двор. В местах сопряжения корпусов сформированы «световые карманы» – характерный структурный элемент переуплотненной городской застройки рубежа веков. Корпуса, ориентированные на улицы, имеют большие габариты, чем те, что примыкают

к квартальной застройке. Закономерно, что в корпусах, вдоль улиц, помещения больше, чем в обращенных к застройке. Состав и назначение помещений соответствуют пространственной иерархии города. В этой иерархии уличное парадное пространство – главное, а внутриквартальное – второстепенное, утилитарное. Второстепенное значение двора подчеркнуто и тем, что его наличие никак не выражено во внешнем объеме, а въезд в него осуществлялся с второстепенной магистрали и в максимальном удалении от перекрестка (рис. 1).

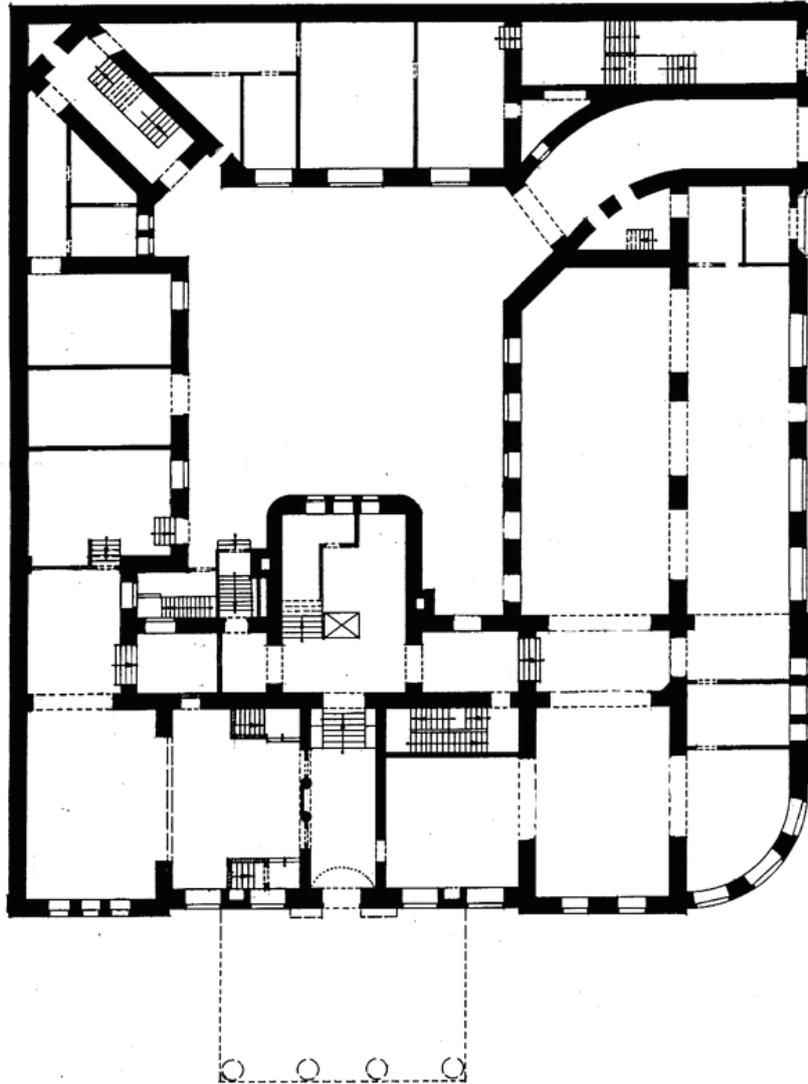

Рис. 1. Городской доходный дом. I план.

Источник: текущий архив СКФ института «Спецпроектреставрация». АРМ-1. Ростов-на-Дону

Подобная планировочная схема получила широкое распространение в дореволюционной практике Ростова. Почти точным повторением служит доходный дом страхового общества «Россия» на пр. Большом (сейчас Ворошиловском) с иным декором уличных фасадов.

Фасады городского доходного дома также оформляются в соответствии с пространственной иерархией. Ул. Большая Садовая – главная улица города, а пер. Почтовый имеет подчиненный значение. Как следствие, главный фасад здания формируется по Большой Садовой – с выраженным центром и осью симметрии. Центр выделен гигантским четырехколонным портиком и аттиком, подчеркнут двумя фланкирующими раскреповками. Парадный вход выделен также балконом-навесом на четырех колоннах (не сохранился). Фасад по пер. Почтовому решен не так активно, в соответствии с его второстепенной ролью (рис. 2).

Рис. 2. Городской доходный дом. Уличные фасады.
Источник: текущий архив СКФ института «Спецпроектреставрация». АРМ-1. Ростов-на-Дону

В свою очередь, дворовые фасады Городского дома закономерно рациональны (рис. 3).

Рис. 3. Городской доходный дом. Дворовые фасады.
Источник: текущий архив СКФ института «Спецпроектреставрация». АРМ-1. Ростов-на-Дону

Здание было достроено в 1914 г. в начале Первой мировой войны и временно приспособлено под лазарет. В 1915 г. в нем разместился эвакуированный Варшавский университет. С начала войны строительная деятельность в городе практически прекращается на целое десятилетие и возобновляется в середине 1920-х.

Крупные здания в городе начинают строить с 1927 г. Одним из первых появляется 4-этажный жилой дом на перекрестке пр. Буденновского и ул. Суворовской (сейчас Тельмана), построенный по проекту И.Е. Черкесиана в 1927 г. *

Приоритет внешнего городского пространства (пространства улиц и площадей) вновь выступает для Черкесиана основой проектного решения. Пространственная организация жилого дома на Буденновском идентична городскому доходному дому, при том что здесь архитектор имел полную свободу, – жилой дом занимает хоть и угловое положение в квартале, но не имеет стеснения существующей застройкой. Для свободной организации объекта ограничений не было. Если функциональный метод конструктивизма, определенный М.Я. Гинзбургом как «изнутри-наружу, а не обратно, как это делалось в периоды эклектики...», подразумевал организацию в направлении от внутренних процессов к внешнему объему [9], то Черкесиан прибегает к противоположному, но привычному для себя методу. Объем располагается по периметру участка вдоль красных линий улиц, формируя внутренний двор. Этим достигается традиционная для XVIII–XIX вв. дифференциация на внешнее парадное уличное и утилитарное внутриквартальное пространство (рис. 4).

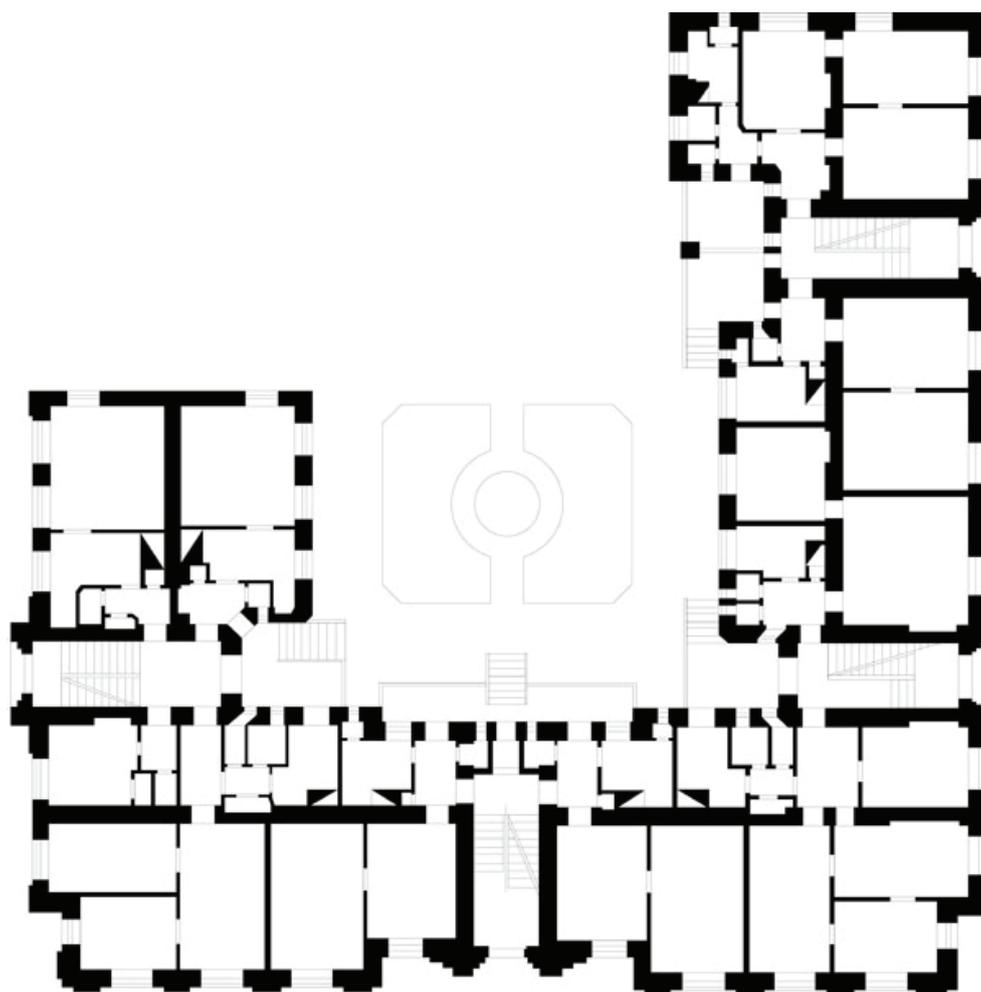

Рис. 4. Жилой дом на пр. Буденновском. План. Чертеж А.Г. Токарева

В соответствии с пространственной иерархией формируется и внутренняя структура здания. На улицы ориентированы жилые комнаты, имеющие наибольшую площадь. Кухни, прихожие, ванны, уборные примыкают к дворовым фасадам. В итоге большинство жилых комнат в корпусе по ул. Суворовской имеют неблагоприятную ориентацию на север. Во внутренних углах пересечения корпусов появляются хорошо знакомые «световые карманы», для освещения подсобных помещений и лестниц. Тем самым двор неизбежно наделяется свойствами утилитарного пространства. Традиционный метод проектирования XVIII–XIX вв. «снаружи – внутрь» – от уровня города к объему, форме плана здания и компоновке помещений [10, с. 48] реализован здесь во всей полноте. Одним из подтверждений этого служит противоречащее функции несоответствие габаритов некоторых жилых помещений размерам и количеству окон.

Система композиционных средств на фасадах дома на Буденновском идентична рассмотренному примеру на Большой Садовой (рис. 5).

Рис. 5. Жилой дом на пр. Буденновском. Уличные фасады. Фото А.Г. Токарева

В оформлении фасадов заметна рационализация средств выразительности. «Осовременивание» облика здания производится за счет отказа от лепного декора, а вместо штукатурки использован облицовочный силикатный кирпич. При этом пластика фасадных поверхностей остается активной и очень характерной для 1927 г. Извечная иерархия диктует условия в выборе фасадных решений. Главный фасад, разумеется, тот, что ориентирован на пр. Буденновский. Он симметричен, его центр акцентирован раскреповками, зафиксирован высоким аттиком над карнизом. В дополнение ось симметрии и центр композиции выделяются двумя ризалитами, фланкирующими парадный вход. Активная пластика главного фасада контрастирует с оформлением фасадов боковых – равномерно, без композиционных акцентов и с меньшей пластической активностью. Вероятно, для улучшения инсоляции корпуса, ориентированного на ул. Суворовскую, противоположный корпус был укорочен и понижен на один этаж. Дворовые же фасады оформлены традиционно рационально, что выражается в почти полном отсутствии пластики и в «разнобое» размеров оконных проемов (рис. 6).

В рассмотренном примере традиционное решение всех составляющих здания обусловлено не фактором плотности квартальной застройки (как в случае с городским доходным домом), но следствием свободного выбора. И выбор Черкесиана был сделан в пользу традиционного метода, в основе которого – приоритет внешнего городского пространства.

Рис. 6. Жилой дом на пр. Буденновском. Дворовые фасады. Фото А.Г. Токарева

Этот метод реализуется в большинстве проектов вплоть до конца 1920-х гг. – как отдельных зданий, так и целых жилых комплексов, в том числе в произведениях самого И.Е. Черкесиана. Рассмотренный пример показал также, что в архитектуре Ростова 1920-х гг. при быстрой смене внешних стилистических признаков (отказ от декоративных элементов эклектики, модерна, неоклассики активно применявшихся еще в 1925–1926 гг.) наиболее устойчивыми к изменениям оказались принципы пространственной организации отдельных зданий и застройки квартала.

Таким образом, исследование позволило сделать следующие основные выводы:

1. Советская архитектура 1920-х гг. ассоциируется с расцветом различных новаторских течений. Однако в Ростов-на-Дону изменения происходили постепенно, во взаимодействии традиций и новаций, чему способствовали два основных фактора – наличие целого коллектива архитекторов старшего поколения и исторического контекста, в котором осуществлялась их деятельность.
2. Регулярной планировочной структуре исторического центра Ростова-на-Дону свойственна иерархическая зависимость отдельного здания и в целом застройки квартала от структуры города. Проектный метод архитекторов, осуществлявших свою профессиональную деятельность в Ростове в начале XX в., отражал тот же принцип – пространственно-планировочная структура и средства архитектурной выразительности частного (здания и квартала) формиру-

ются исходя из общего (города), в зависимости от роли объекта и его места в структуре ансамбля. На основе этого традиционного метода архитекторы Ростова создавали свои проекты и во второй трети 1920-х гг.

3. Как показало исследование, при быстрой смене внешних атрибутов стиля наиболее устойчивой к изменениям оказалась пространственно-планировочная структура зданий и застройки кварталов.

* ГАРО. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 128.

Библиография

1. Есаулов, Г.В., Черницына, В.А. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону / Г.В. Есаулов, В.А. Черницына. – Ростов н/Д. : Малыш, 1999. – 288 с.
2. Есаулов, Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: его формирование и культурный потенциал: дис. ... д-ра архитектуры / Г.В. Есаулов. – М., 2004. – 482 с.
3. Есаулов, Г.В. Архитектура Юга России: от истории к современности (очерки) / Г. В. Есаулов. – М.: Архитектура-С, 2016. – 568 с.
4. Токарев, А.Г. Преемственность в архитектуре и градостроительстве Ростова-на-Дону 1920–1930-х гг. : дис. ... канд. архитектуры / А.Г. Токарев. – М., 2000. – 227 с.
5. Иванова-Ильичева, А.М. Периодизация развития архитектурно-градостроительной структуры Ростова-на-Дону в 1750–1910-х гг. / А.М. Иванова-Ильичева // Современные тенденции развития городских систем: мат-лы Междунар. науч. конф., посвященной 135-летию со дня рождения основателя уральской архитектурной школы, профессора К. Т. Бабыкина (22–23 окт. 2015 г.). Екатеринбург: Уральская гос. арх.-худож. акад., 2015. – С. 64–66.
6. Токарев, А.Г. Градостроительное развитие Ростова-на-Дону в XIX – начале XX в. / А.Г. Токарев // Вестник Томск. гос. арх.-строит. ун-та. – 2011. – Вып. 3 (32). – С. 41–49.
7. Текущий архив СКДП «Спецпроектреставрация». Зоны охраны Ростова-на-Дону. Натурные исследования. Т. 2. Кн. 9. Арх. № 619.
8. Васильев, Г. Здание университета в Ростове-на-Дону / Г. Васильев // Зодчий. – 1917. – № 35–38. – С. 200.
9. Гинзбург, М.Я. Новые методы архитектурного мышления / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1926. – № 1. – С. 1–4.
10. Кириченко, Е.И. Русская архитектура 1830 – 1910-х годов / Е.И. Кириченко. – М.: Искусство, 1978. – 399 с.

References

1. Esaulov, G.V., Chernitsyna, V.A. (1999) Architectural chronicles of Rostov-on-Don. Rostov-on-Don: Malysh. (in Russian)
2. Esaulov, G.V. (2004) Architectural and town-planning legacy of the South of Russia: its development and cultural potential. Doctor of Architecture dissertation. Moscow. (in Russian)
3. Esaulov, G.V. (2016) Architecture of the South of Russia: from history to contemporaneity (essays). Moscow: Arkhitektura-S. (in Russian).
4. Tokarev, A.G. (2000) Continuity in the architecture and urban planning of Rostov-on-Don in 1920s-1930s. PhD dissertation (Architecture): 18.00.01: completed on 19.12.2000: approved on 8.06.2001. Moscow. (in Russian)
5. Ivanova-Il'icheva, A.M. (2015) Periodization of the architectural and urban planning structure of Rostov-on-Don 1750–1910s. Modern tendencies in the development of urban systems.

Proceedings of International scientific conference devoted to the 135th anniversary of the birth of Professor K. T. Babykin, the founder of the Ural school of architecture (on October, 22–23, 2015). Ekaterinburg: Ural State Academy of Architecture and Art, pp. 64–66. (in Russian).

6. Tokarev, A.G. (2011) Urban development of Rostov-on-Don in the 19th – early 20th century. Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering, Issue 3(32), pp. 41–49. (in Russian).
7. Current archives of SKDP «Spetsproektrestavratsia» (North-Caucasian branch). Protected zones of Rostov-on-Don. Field studies, Vol. 2, Book 9, Arch. No. 619. (in Russian)
8. Vasilyev, G. (1917) The building of the university in Rostov-on-Don. Zodchiy, No. 35–389. Ginzburg, M.Ya. (1926) New methods of architectural thinking. Modern Architecture, No. 1, pp. 1–4. (in Russian).
10. Kirichenko, E.I. (1978) Russian Architecture of the 1830–1910s. Moscow: Iskusstvo. (in Russian).

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»).

4.0 Всемирная

Дата поступления: 24.06.2021